

1610

За что боролись в смуту

В декабре 1610г. патриарх Гермоген стал рассылать по городам грамоты, в которых освобождал свою паству от присяги царю Владиславу и призвал русских людей к вооруженному выступлению, чтобы они по зимнему пути «собрався все в збор со всеми города, шли к Москве на литовских людей». В ответ на этот призыв рязанский дворянин Прокопий Ляпунов поднял знамя восстания под знаменами защиты православия, а московские бояре и польский наместник Александр Гонсевский посадили патриарха под арест; его «дияки и подьячие и всякие дворовые люди пойманы, а двор его весь разграблен». Так оказался сорван «конституционный эксперимент» — одна из нескольких неожиданных развилок российской политической истории, которыми было богато Смутное время на рубеже XVI—XVII столетий.

«Выборные цари» и самозванцы

На фоне потрясений XX столетия не такой уж далекий от нас XVII век представляется тихим и даже «застойным» временем. Но впечатление обманчиво; он прошел в непрерывных войнах, государство и общество сотрясали внутренние конфликты.

В 1601—1603 гг. Россия пережила страшный голод; начавшиеся волнения крестьян и холопов превратились в затяжную гражданскую войну, осложненную вторжением иностранных войск. Новорожденной державе Романовых пришлось вести две войны с Речью Посполитой (1632–1634 и 1654–1667 гг.), войну со Швецией (1656–1658 гг.); затем последовала первая в нашей истории русско-турецкая война (1677—1681 гг.); ее продолжением стали Крымские (1687 и 1689 гг.) и Азовские (1695—1696 гг.) походы. За казацкими бунтами 1614—1616 гг. по стране прокатились городские восстания: «Соляной бунт» 1648 г. в Москве, выступления в Сольвычегодске, Устюге, Курске, Воронеже, Новгороде, Пскове и других городах. Во второй

половине «бунташного века» Московское царство сотрясали «Медный бунт» 1662 г., крестьянская война 1670—1671 гг., стрелецкие бунты и дворцовые перевороты 1682—1689 гг. В это время произошел не преодоленный и по сей день церковный раскол.

Внимательный наблюдатель, английский ученый и дипломат Джильс Флетчер сделал в 1589 г. в трактате-донесении о состоянии России точный прогноз: меры Ивана Грозного «так потрясли государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно окончиться не иначе как всеобщим восстанием»¹. Так и произошло: в стране наступила Смута, сопоставимая по размаху с гражданской войной 1918—1920 гг.

Ее не смогли предотвратить ни наследник царя Ивана Федор (1584—1598 гг.), мало похожий на доброго царя из трагедии А.К. Толстого, ни царский шурин и ловкий политик Борис Годунов. Восхождение молодого опричника к «высшей власти» напоминало детективный сюжет. Борис не раз находился на грани опалы и даже казни. Он посмел сватать свою сестру-царицу (при жизни хилого мужа) за австрийского принца, и этот секрет узнала польская разведка. Ему приходилось отбивать нападения вооруженной толпы на свой двор и даже просить политического убежища у английского посла. И все же Борис сумел оттеснить соперников — Мстиславских и Шуйских, поставил «своего» патриарха и стал фактическим правителем страны.

В январе 1598 г. умер царь Федор. Законная династия пресеклась, началась ожесточенная борьба придворных группировок за власть. Борис Годунов блестяще провел «избирательную кампанию»: пока в Думе спорили его противники Мстиславские и Романовы, он от имени сестры-царицы объявил амнистию «всех винных людей и татей и разбойников по всем городам из тюрем» и демонстративно удалился от мирских забот в монастырь. Бориса поддержали Церковь во главе с патриархом Иовом, младшие бояре, опричные «выдвиженцы», назначенные им руководители приказов. В феврале 1598 г. он был избран царем. Упустившая время знать сопротивлялась; но раздача войску во время объявленного царем похода на татар (так и не появившихся) жалованья сразу за три года устранила сомнения служилых людей в правильности выбора. Боярам пришлось смириться, и Борис венчался на царство в Успенском соборе Кремля.

¹Так в смягченном традиционном переводе, в оригинале сказано мрачнее — «civil flame», т.е. гражданская война.

Годунов оказался талантливым правителем и многое сделал для страны, порой опережая свое время: в два раза снизил налоги, стремился ликвидировать «белые» (не платившие налогов) частновладельческие слободы и дворы в городах, основал главный порт донетровской России Архангельск. Заключив мир на Западе со Швецией в 1595 г. и Речью Посполитой в 1600 г., Борис обратился к делам на Востоке и укрепил южную границу. Новая цепь сторожевых постов и укрепленных острогов, важнейшим из которых был Царицын, выдвинулась далеко в «дикое поле». Первым из русских царей он просватал свою дочь за иноземного принца и за 100 лет до Петра I стал приглашать в Россию иностранных специалистов: врачей, рудознатцев, военных. Он хотел основать в Москве университет и послал в Вену и Оксфорд дворянских «ребят» для изучения иностранных языков и прочих наук. В результате реализации строительной «программы» царя появились колокольня Ивана Великого, Лобное место, стены Белого города в Москве и мощная Смоленская крепость на западной границе. Часть этих сооружений — результат организованных впервые в отечественной истории «общественных работ», имевших целью предоставить заработок голодающим крестьянам.

Но «наследство» Ивана Грозного — крепостническая политика — заложило основу для будущих потрясений: указами 1592/1593 гг. был повсеместно отменен Юрьев день, указ 1597 г. ввел пятилетний срок сыска беглых крестьян. На осваиваемых окраинах появились московские воеводы и помещики; свободное население и бежавшие на окраины «казаки» вновь попадали в крепостную зависимость.

Еще десяток спокойных лет — и новая династия окрепла бы, а юный и образованный сын царя вполне годился для роли реформатора. Но полоса успехов была прервана голодом 1601—1603 гг. Катастрофическое положение заставило царя в 1601 г. восстановить Юрьев день для крестьян провинциальных помещиков. Крестьяне стремились уйти от владельцев, а те — любой ценой удержать рабочую силу. Беглые и холопы собирались в крупные отряды, против которых в 1603 г. приходилось посылать войска; в том же году был — уже окончательно — отменен крестьянский «выход». Последствия голода и колебаний правительства стали губительными для династии. В глазах знати Борис всегда был хворородным выскочкой; теперь же он оказался «плохим» царем и для служилых, и для крестьян. Природные катаклизмы и социальные тяготы воспринимались людьми того времени

как наказание стране, оказавшейся под властью грешного или «неистинного» царя.

В такой общественной атмосфере просто должен был появиться царь «истинный», «природный». Один за другим появляются самозванцы из «низов», выразившие характерные для общества настроения и чаяния. Григорий Отрепьев, бывший дворянин на службе бояр Романовых («чудесно спасенный» царевич Дмитрий), осенью 1604 г. перешел русскую границу. Его польско-казацкий отряд был сразу же разгромлен; но самозванец получил поддержку крестьян, посадских людей и казаков с южной границы, открывавших ему ворота крепостей. После скоропостижной смерти Бориса в апреле 1605 г. на сторону претендента перешло войско; уже в июне он вступил в Москву.

Заняв престол, «Димитрий Иванович» (1605—1606 гг.) оказался в сложном положении. Посулив всем «благоденственное житие», он не мог выполнить все обещанное: передать будущему тестю польскому сенатору Юрию Мнишеку Новгород и Псков, отменить крепостное право. В результате осложнились отношения с Речью Посполитой. Льготы получили лишь крестьяне Комарицкой волости и путивльские горожане, первыми признавшие царя. Землевладельцы получили разрешение возвращать крестьян и холопов, бежавших после 1600 г. Московские бояре, прекрасно знавшие, что царь — самозванец, стали просить у польского короля Сигизмунда III его сына на московский престол.

Лжедмитрий пытался уйти от этих осложнений: готовился к большому походу на Крым и получил поддержку служилых людей южных уездов. Он был храбр, молод, энергичен — но явно не «вписывался» в образ «природного» царя, постоянно задевал национальные и религиозные чувства подданных: окружал себя иноземцами, не спал после обеда, не ходил в баню, собрался венчаться с «гордою полячкой» Мариной Мнишек накануне постной пятницы. Есть сведения о готовившейся им секуляризации церковных земель. Поползли толки, что и этот царь «неистинный». В таких обстоятельствах боярам во главе с Василием Шуйским легко удалось организовать заговор и возмутить толпу: во время начавшегося в мае 1606 г. в Москве восстания царь был убит.

Новым царем «выкрикнули» главу заговора князя Василия Ивановича Шуйского. Князь Василий был избран на царство не в последнюю очередь потому, что имел к этому времени репутацию страдальца за правду. Он едва ли не единственный подвергся репрессиям в ко-

роткое правление самозванца по «политическим» мотивам. Ведь в 1591 г. он в качестве главы следственной комиссии утвердил заключение о гибели царевича Дмитрия в Угличе в результате несчастного случая. После воцарения самозванца ему пришлось опровергнуть свое давнишнее заявление. Но как-то на пиру боярин в ближнем кругу проговорился, что настоящий царевич и впрямь в Угличе «помре». О его «непригожих речах» донесли Лжедмитрию (по слухам, донощиком выступил знаменитый архитектор Федор Конь), и Шуйский угодил в опалу, хотя и ненадолго.

Вступая на престол, он дал «крестоцеловальную запись» — первое в нашей истории юридическое обязательство государя перед подданными.

«...И поволил есми яз, царь и великий князь Василий Иванович всеа Руси, целовати крест на том, что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом з бояры своими, смерти не предати, и вотчин, и дворов, и животных у братии их, и у жен и у детей не отымати, будут которые с ними в мысли не были, также и у гостей, и у торговых, и у черных людей, хотя которой по суду и по сыску дойдет и до смертныя вины, и после их у жен и у детей дворов, и лавок, и животных не отымати, будут они с ми в той вине неповинны; да и доводов ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи, чтоб в том православное христианство без вины не гибли... На том на всем, что в сей записи написано, яз царь и великий князь Василий Иванович всеа Руси, целую крест всем православным христианам, что мне, их жалуя, судити истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своя не класти, и недругам никому в неправде не подавати, и от всякого насильства оберегати»
(Собрание государственных грамот и договоров. Т. II. № 141. С. 299-300).

Но попытка «общественного договора» успеха не имела. Шуйский был царем именно «выкрикнут», то есть избран наскоро созданным «собором» только из московских людей, без призыва депутатов из провинции. Десятки городов и уездов не признали «боярского царя»: для

них «истинным» государем оставался Дмитрий. Шуйский оказался на редкость неавторитетным (как сказали бы сейчас, «не харизматичным») правителем. Он был искушен в придворных интригах, но оказался бездарным полководцем и вероломным политиком; его вместе с братом обвиняли в отравлении племянника, молодого и талантливого воеводы Михаила Скопина-Шуйского.

Наступил новый этап Смуты — гражданская война. Еще недавно в учебниках события этих лет называли первой крестьянской войной в России. Закрепостительная политика в условиях голода на самом деле вызвала волну сопротивления, хотя повстанцы вроде бы не стремились к новому общественному устройству и, по свидетельству патриарха Гермогена, призывали жителей осажденной Москвы: «Велят боярским холопам побивать своих бояр и жен их, и вотчины и поместья им сулят. Шпыням и безымянникам вора велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабите и призывают их, воров, к себе, хотят им давати боярство, воеводство, окольное и дьячество». Появились «воровские помещики», получившие свои владения от предводителей восставших. Против Шуйского поднялись не только холопы и крестьяне. Тяготы службы и разорение поместий заставляли провинциальных служилых людей выступать против столичных «богатинов» и «боярского царя». Под водительством бывшего «боевого» холопа, а теперь воеводы «царя Дмитрия» Ивана Болотникова сражались его прежний господин князь Андрей Телятевский, воевода князь Григорий Шаховской; вместе с атаманом Илейкой выступили дворянин Прокопий Ляпунов и стрелецкий сотник Истома Пашков.

Борьба с мятежниками несколько месяцев шла с переменным успехом. Армия Шуйского окружила войско Болотникова в Туле; после тяжелой осады царь заключил договор с восставшими: большую часть отпустил, но жестоко расправился с предводителями. Однако торжествовать победу Шуйскому пришлось недолго: летом 1607 г. объявился Лжедмитрий II — личность до сих пор загадочная. Достоверных сведений о его судьбе практически нет; современники поговаривали, что был он школьный учитель и будто бы из крещеных евреев, но эти «известия» вполне могли быть и пропагандой его противников.

Новый царь половины европейской России был извлечен нуждавшимися в предводителе повстанцами из долговой тюрьмы города Пропойска, поскольку имел точно такую же бородавку на носу, как и первый самозванец. В его лагере собралось разношерстное воинство: из-

гнаные из Польши мятежники с гетманом Романом Ружинским и Яном Сапегой, признавшая «воскресшего» мужа Марина Мнишек, болотниковские атаманы Юрий Беззубцев и Иван Заруцкий, бояре Салтыковы и Черкасские, ростовский митрополит Филарет (представитель боярского рода Романовых, насильно постриженный в монахи Годуновым), запорожские казаки и татары. На их сторону перешли Псков, Ростов, Ярославль, Кострома, Вологда, Галич, Владимир. В стране оказались две столицы: Москва и ставка Лжедмитрия II — подмосковное село Тушино; два правительства и даже два патриарха — «законный» Гермоген и тушинский Филарет.

Кроме упоминаемых в учебниках Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, появились еще не менее 15 самозванцев: Лжедмитрии III и IV, другие «дети» и «внуки» Ивана Грозного — царевич Осиновик, царевич Иван-Август, царевич Лаврентий; на власть претендовала вдова Лжедмитрия I «царица Марина Юрьевна», родившая от Лжедмитрия II «царевича Ивана Дмитриевича». Обилие «родственников» порождало конкуренцию: Лжедмитрии II повесил семерых «сыновей» царя Федора — «царевичей» Клементия, Савелия, Симеона, Василия, Брошку, Гаврилку и Мартынку. Уезды и города по несколько раз переходили из рук в руки. Каждый из «царей» по городам сажал своих воевод, проводивших поборы и реквизиции «изменничьих животов». Сколько было таких удалыцов на «местном» уровне, мы не узнаем никогда.

В уездах власть захватывали казачьи отряды со своими панами-атаманами. Казаки той поры не были похожи на военное сословие, известное по шолоховскому «Тихому Дону». Кто только не становился казаком в Смуту: беспоместные дворяне, разорившиеся купцы и посадские, беглые холопы, поповские дети, крещеные и некрещеные татары, выходцы с литовской «украины», «немцы» и даже евреи. Их атаманы служили всем, кто мог обеспечить «корм» и жалованье; казачьи отряды в качестве вознаграждения за службу получали или силой забирали территории в кормления-«приставства» и брали с мужиков деньги и продукты.

Когда никто не знает, какая власть законна, теряют силу святость присяги и «честь» рода: постоянно росло количество «перелетов» — перебежчиков из одного лагеря в другой. В дезориентированном обществе становятся заметны черты морального упадка: «жития» и «видения» эпохи изобилуют сообщениями о клятвопреступлениях, пьянстве, сквернословии, осквернении святынь.

В критической ситуации правительство Шуйского в феврале 1609 г. заключило договор со Швецией, которая предоставила московскому правительству вспомогательное войско, но эта акция стала поводом к войне для польского короля Сигизмунда III. Польское войско осаждало Смоленск, хотя Речь Посполитая официально войны России не объявляла, т.к. король начал поход без формальной санкции сейма. Воеводы царя Василия с помощью шведов нанесли ряд поражений мятежникам на севере и изгнали их из Тушина. Но в июле 1610 г. поляки разбили армию Шуйского под Смоленском. Командующий, брат царя Дмитрий Шуйский бежал; иноземные наемники перешли на службу к королю, победителям достался весь обоз и артиллерия.

Царя Василия бросили его последние союзники — крымские татары князя Богадыр-Гирея. Тогда состоявшееся в Москве у Арбатских ворот собрание, в котором участвовали бояре, служилые люди и московский посадский «мир», постановило «бывшему государю... Василию Ивановичу всеа Руси отказать и на государеве дворе не быти и вперед на государстве не сидети». Неудачливый царь был «ссажен» с престола и пострижен в монахи.

Августовский договор и его судьба

Впервые в Москве исчезла всякая законная власть. Угроза развала государства заставила бояр и в Москве, и в лагере самозванца искать выход.

В феврале 1610 г. служившие самозванцу бояре и дворяне (М.Г. Салтыков, кн. В.М. Масальский, кн. Ф.П. Засекин, Т.В. Грязной, Ф.Ф. Мещерский, М.А. Молчанов) призвали на русский престол сына Сигизмунда III, королевича Владислава. Теперь предстояло решать Москве. Выбор был невелик: с запада надвигался польский гетман Станислав Жолкевский; с юга — Лжедмитрий II, чьи отряды уже принялись жечь московские слободы. Принять самозванца с его казацкой вольницей москвичи категорически не желали: «Лучши убо государичю служити, нежели от холопей своих побитым быти и в вечной работе у них мучитися». Цвет московской знати — бояре кн. Ф.И. Мстиславский, кн. В.В. Голицын, Ф.И. Шереметев, окольные, думные дворяне, виднейшие дьяки отправились к гетману и через несколько

дней труднейших переговоров 18 августа 1610 г. подписали договор. Россия и Речь Посполитая заключали «вечный мир и союз». На московский престол приглашался королевич Владислав, отныне «государь царь и великий князь Владислав Жигимонтович».

Утверждение новой династии и союз с Польшей сопровождался рядом принципиальных условий. Король Сигизмунд, осаждавший в это же время главную русскую крепость на западной границе — Смоленск, должен был прекратить военные действия и «города, к Московскому государству належачие... со всем, как были до нынешние смуты, к Московскому государству очистить». Новый царь обязывался блюсти православие как единственное допустимое вероисповедание: «Всем православным христианом быти в православной христианской вере греческого закона по-прежнему, и римские веры и иных разных вер костелов и всяких иных вер молебных храмов в Московском государстве и по городом и по селом нигде не ставити».

Послы отстаивали сохранение прежней социальной структуры и национальной независимости: «Польским и литовским людем на Москве ни у каких земских росправных дел и по городам в воеводах и в приказных людях не быти... и всех чинов служилых и жилецких людей Российского государства имети государю королевичу всех по достоинству в чести и в жалованье и в милости, как было при прежних великих государех царех московских; и прежних обычаев и чинов, которые были в Московском государстве не переменять».

Но главное — определялся круг вопросов, которые отныне государь должен был решать «с приговору и с совету» представителей русского общества:

«На Москве и по городом суду быти и свершатись по прежнему обычаю и по судебники Российского государства, а буде похотят в чем пополнити для укрепления судов, и государю на то поволити з думою бояр и всей земли. ..А не сыскав вины и не осудивши судом всеми бояры, никою не казнити и чести ни у ново не отымати и в заточенье не засылати, поместей и вотчин и дворов не отымати. И о всем том делати государю с приговору и с совету бояр и всех думных людей, а без думы и приговору таких дел не совершати»
(Сборник Русского исторического общества. Т. 142. С. 101-109).

Таким образом, за годы Смуты в сознании «верхов» московского общества уже появилось представление, что государь должен был занять трон с согласия «всей земли» как верховного сословного органа. «И что нам от земли повелят, то мы и учиним», — говорили послы польским дипломатам.

Августовский договор был не тайным сговором нескольких бояр, а выражал волю находившихся в Москве «чинов» русского общества — более 500 человек «стольников и дворян». На следующий день жители Москвы принесли присягу в Успенском соборе, а затем из столицы стали рассылать грамоты в другие города с предписанием привести их население к присяге. Нового царя признали Новгород, Владимир, Кострома, Ярославль, Ростов, Вологда, Углич, Белоозеро, Коломна; еще раньше, на основании февральского соглашения, королевичу присягнули служилые и посадские Зубцова, Ржевы-Володимировой, Дорогобужа, Вязьмы, Можайска, Старицы, Брянска и Серпейска. Чтобы не допустить в Москву самозванца, бояре в сентябре 1610г. впустили в столицу польский гарнизон.

Некоторые историки полагают, что эти договоры, как и «крестоцеловальная запись» Шуйского, могли стать началом выхода из Смуты и являлись шагом от самодержавия к правовому государству. Приглашение иностранного, но «законного» и «природного» принца на престол, как и ограничение его прав при избрании, скорее всего, было возможно. Несомненным было и стремление правящей элиты гарантировать себя от повторения опричных казней. Можно полагать, что были бы обеспечены свободные контакты между государствами и подданными, что сделало бы русское общество доступным для польско-литовского культурного влияния. Военный союз позволил бы более успешно бороться с татарскими набегами. Купцам обоих государств позволялось свободно торговать всякими товарами на их территории. Наметилось бы некоторое сближение политического строя Речи Посполитой и России, при том, что последняя сохранила бы свое социально-политическое устройство и «прежние обычаи».

Но договор сразу же оказался под угрозой. Во время переговоров выявились «недоговоренные статьи»: остался открытым вопрос о переходе Владислава в православие и его браке — москвичи настаивали, что их государь должен взять себе жену «в Московском государстве православную». Для решения спорных вопросов к королю отправилось многолюдное посольство из представителей от уездных дворян-

ских корпораций-«городов», стрельцов, подьячих и нескольких «торговых людей», во главе с митрополитом Филаретом и боярином князем Василием Голицыным. Резонно полагая, что овладеть русским тронem можно только при поддержке русского общества, московские политики считали, что для достижения этой цели король должен немедленно прекратить войну и отправить сына в Москву, Послы просили, чтобы «государь наш королевич пожаловал, крестился в нашу православную христианскую веру греческого закона», настаивали на недопустимости пропаганды католицизма и сохранении территориальной целостности своего государства.

Однако высшие чины московского двора, в руках которых находилось ведение переговоров, не очень-то стремились расширять права «земли». Не случайно договор зафиксировал широкую компетенцию боярской думы, а «вся земля» получила право лишь участвовать в пополнении Судебника новыми статьями. Трудно сказать и насколько перечисленные в договоре принципы соответствовали представлениям массы мелких служилых и «тяглых» людей о справедливом общественном устройстве. Казаку нужны были «воля» (личная свобода вне государственных рамок) и лихие военные экспедиции «за зипунами»; крестьянин хотел мирной жизни, по возможности — без податей и без помещика, а дворянин — поместий и «людишек» за верную службу. А всем вместе нужен был стоящий над всеми «чинами» государь как источник милостей и гарант от произвола «сильных людей». В народном сознании уже сложился идеальный образ праведного и благочестивого «великого государя царя» — защитника веры, «благословенного» в общественной и личной жизни, обязанного заботиться о подвластных. Не случайно в народных песнях и преданиях об Иване Грозном (даже в новгородских землях, где особенно свирепствовали опричники) современные ученые находят «оправдательные тенденции»: вот был настоящий царь — умел казнить, но умел и миловать...

Офицер московского гарнизона шляхтич Самуил Маскевич пересказал разговоры, которые он и его товарищи вели с русскими дворянами: «...Наши хвалили им вольности, чтобы, с нами соединившись, ее добыли». Собеседники отвечали ему: «Ваша вольность для вас хороша, а наша неволя для нас... У вас более могущественный угнетает более худого; вольно ему взять у более худого имение и его самого убить». Москвичи неплохо представляли себе польские порядки, где равенство «панов-братьев» на деле приводило к всевластию магнатов,

занимавших высшие государственные должности. Владения таких магнатов, как литовские Радзивиллы, с десятками городов и сотнями сел, были сравнимы по размерам с современными европейскими государствами вроде Бельгии. Их владельцы содержали собственные армии, которые по численности и оснащению превосходили коронные войска. На другом полюсе находилась масса бедной шляхты, гордой своим происхождением и правами: «Шляхтич на загороде (крохотном участке земли) равен воеводе!» На деле такие малоземельные или безземельные «паны» были бессильны противостоять воле сильного соседа и часто из милости служили при магнатских дворах, хотя и требовали, чтобы хозяин порол их только на персидском ковре... А в Москве государь мог возвысить бедного сына боярского, а любого знатного и богатого боярина отправить в ссылку.

Возможно, со временем отношение русского дворянства к шляхетским «вольностям» могло измениться — если бы сама шляхта и ее вожди проводили более гибкую политику. Однако Сигизмунд III договор выполнять не собирался и известил Жолкевского, что некоторые условия он принять не может: порядок в России будет обеспечен, только если польские войска будут находиться в пограничных крепостях и в Москве. Король справедливо полагал, что его 15-летний сын не имел опыта управления; но еще меньше он доверял его новым подданным. «Это такой народ, — писал он Жолкевскому, — которому уже из-за его религии опасно доверять, грубых обычаев и твердого сердца, у которого жестокость заменяет право, а несвобода стала его природой». Если гетман стремился с помощью уступок утвердить Владислава на русском троне и вовлечь Россию в орбиту польского политического и культурного влияния, то король и его советники не стремились к сохранению Российского государства и планировали включить его в состав Речи Посполитой. Сейму король объявил главной целью своего похода возвращение Смоленщины и Северной земли, утраченных Великим княжеством Литовским в конце XV — начале XVI вв., в то время как согласно августовскому договору Российское государство сохраняло свои существовавшие до Смуты границы.

Коронный подканцлер Феликс Крыйский на сейме 1611 г. заявил, что московиты «уже у нас в руках; если о государе, то должны того принять, кого им дадут, и терпеть то, что прикажет победитель». Ревностный католик Сигизмунд III упрекнул гетмана за то, что тот обещал «костелов римских в Московском государстве не строити», и

собирался заставить московские «чины» передать власть ему самому. С помощью пожалований и наград он предполагал купить большую часть русской политической элиты и оставить ее при своих «правах и обычаях».

Королевич Владислав не приехал в Москву (о его переходе в православие так и не договорились), а его отец от имени «царя Владислава Жигимонтовича» стал раздавать поместья и воеводства в России. Русская знать не обнаружила единства. Часть ее, преимущественно из бывших «тушшцев», пошла на поклон к королю. Сигизмунд и его наместник в Москве Александр Гонсевский распоряжались ценностями казны, назначали на должности своих ставленников. В Пушкарском приказе был посажен кн. Юрий Хворостииин, в Ямском — Никита Вельяминов, в Большом приходе — кн. Федор Мещерский. Поместный приказ по распоряжению короля возглавил дьяк Иван Грамотин. Иные московские бояре, как князь Григорий Ромодановский, выезжали в лагерь короля, чтобы исхлопотать себе новые вотчины. Другой боярин, князь Иван Куракин, выполняя королевскую инструкцию, уговаривал своих коллег выбрать на престол Сигизмунда. Одним из наиболее ярых приверженцев польской власти стал бывший купец, дьяк Федор Андронов; он стал московским казначеем и советовал королю «доставать» недовольных соотечественников «саблею и огнем», за что получил две волости в Старицком уезде.

Неисполнение договора и действия польских войск вызвали в марте 1611 г. восстание в Москве. После целого дня ожесточенных боев поляки по совету бояр стали поджигать город: «Михаиле Салтыков первой нача жечь двор свой». Восставшие вынуждены были отступить; начался грабеж города. Мартовское восстание означало перелом в отношении русского общества к польско-литовским «союзникам». Если до того провинциальные города еще признавали договор при условии, что «Жигимонт король... сына своего... на Московское государство дал и сам бы от Смоленска отшел, изо всей бы земли Российского государства польских и литовских людей вывел», то отныне указаний боярского правительства на местах больше не исполняли. Бессильная Дума окончательно потеряла традиционный авторитет и отныне не могла оказывать влияния на русское общество.

Короля это уже не беспокоило — 2 июня 1611 г. польско-литовские войска взяли штурмом Смоленск. Глядя на польские успехи, другие соседи приступили к дележу территории Московского государст-

ва: шведские войска захватили Новгород, а местные власти заключили договор о «переходе» под покровительство шведской короны; практичные англичане подали своему королю в 1612 г. проект оккупации русского Севера.

На пике кризиса провинциальные города начали движение за возрождение национальной государственности. Посадские и волостные «миры» создавали выборные органы, которые взяли в свои руки сбор государственных доходов, занялись организацией обороны, формировали свои отряды. Разосланные весной 1611 г. грамоты призывали «королю и королевичу креста не целовать и не прямити ни в чем, ни которыми делы... короля и королевича польского и литовского на Московское государство и на все государства Российского царствия не хотеть»; поляки «Московское государство выжгли и высекли, и Божия святыя церкви разорили и чудотворные мощи великих чудотворцев московских обругали, и раки чудотворных мощей разсекли... и в церквах для поругания лошади оставили».

Первое ополчение 1611 г. не достигло цели — казаки и дворяне не смогли договориться. Дворяне добивались возвращения беглых после изгнания поляков, казаки не хотели расставаться с вольной жизнью и вновь возвращаться в крестьянское или посадское «тягло». Кончилось тем, что лидер дворянского ополчения Прокопий Ляпунов был убит на казачьем «кругу». Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде по инициативе мясника, уважаемого земского старосты Козьмы Минина был принят приговор о создании нового ополчения: «Стоять за истину всем безызменно... На жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет — отбирать не только имущество, а и дворы. И жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать».

Зимой 1611/12 гг. был создан «Совет всея земли» — подобие Земского собора, куда вошли «из всех городов всяких чинов выборные люди». Новое правительство организовало сбор налогов, создало собственные приказы — Поместный, Разрядный и Посольский. Раздача жалованья и поместий помогла создать боеспособную армию во главе с князем Дмитрием Пожарским. Была налажена чеканка «законных» денег с именем прежнего царя Федора. Летом 1612 г. ополчение утвердило свою власть в северных «замосковных» городах, а 27 октября осажденный польский гарнизон в Москве сдался.

Сразу же после освобождения Москвы от поляков по городам были отправлены грамоты о созыве Земского собора. Точное число его

участников нам неизвестно: за многих из них расписывались умеющие грамоте: «Кузмодемьянского города посадцкой человек Григорей Иванов и <за> чебоксарцов выборных людей детей боярских и посадцких людей и стрелцов, руку приложил». Но он стал одним из самых представительных собраний; среди 700—800 выборных были не только служилые люди и горожане, но и казаки, и даже черносошные крестьяне.

Начавшаяся в январе 1613 г. предвыборная борьба была ожесточенной, но в итоге из всех претендентов (князя Дмитрия Трубецкого, Ивана Голицына, Дмитрия Черкасского и даже Дмитрия Пожарского) большинство собора предпочло кандидатуру 16-летнего Михаила Федоровича Романова. Представитель славного боярского рода, состоявшего в родстве с предшествовавшей династией, он по молодости в «измене» не был, но его родичи находились в обоих лагерях — и в Москве, и в Тушино. Под давлением казаков и под влиянием пущенной в ход легенды, будто царь Федор завещал престол Романовым, Михаил был избран 21 февраля 1613 г. По иронии судьбы призванную восстановить порядок в стране династию избрали казаки. Как сообщали шведские лазутчики, именно казаки и «чернь» «с большим шумом ворвались в Кремль к боярам и думцам», обвиняя их, что они «не выбирают в государи никого из здешних господ, чтобы самим править и одним пользоваться доходами страны...».

Но Смута не закончилась с освобождением Москвы: в 1615 г. шведский король Густав Адольф пытался овладеть Псковом; на западной границе практически постоянно шла война с отрядами Сигизмунда III и Владислава, не раз предпринимавшими походы на Москву вместе с русскими «ворами» и запорожскими казаками гетмана Петра Сагайдачного. По стране бродили отряды казаков, порой бравшие штурмом даже такие крупные города, как Вологда или Астрахань.

Только к исходу 1614 г. на Яике были схвачены, преданные своими казаками, атаман Заруцкий и Марина Мнишек; трехлетний сын «царицы» и Лжедмитрия II — «воренок» — был публично повешен в Москве. К 1619 г. удалось справиться с казачьей вольницей: «воровским» атаманам дали жалованье и даже поместья, казаков отправили на службу по разным городам и границам.

Страна вновь обрела единство и законную власть. Но при этом не произошло обновления в системе управления, социальном строе, культуре. Участие «всей земли» в воссоздании государственности при-

вело к восстановлению старого варианта политического устройства. Духовно-религиозный подъем не нашел выражения в юридических установлениях, которые бы регулировали отношения власти и подданных. Возможно, здесь проявляется определенная закономерность: общество, уставшее от социальных потрясений, из предложенных возможностей выбирает наиболее консервативный путь.

Подробнее на эту тему:

Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1998.

Кобрин В.Б. Смутное время — утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 163–185.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1937.

Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XIII-XVII вв. М., 1978.